

УДК 811.161.1'373+811.161.1'42. DOI: 10.26170/2071-2405-2026-31-1-50-58.
ББК Ш141.12-51+Ш141.12-31.
ГРНТИ 16.21.27. Код ВАК 5.9.8

ПРЕДИКАТИВ И ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКОВОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ ВНУТРЕННИХ СОСТОЯНИЙ ЧЕЛОВЕКА

Топорков П. Е.

Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского
(Калуга, Российская Федерация)

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0006-8848-9948>

SPIN-код: 9170-4525

А н н о т а ц и я. В статье анализируется проблема языкового описания внутренних состояний в контексте лексической и грамматической концептуализации. Исследование выполнено на материале предикативов – гибридного семантико-функционального класса слов, включающего категорию состояния, а также именные предикативные лексемы и отдельные значения слов различных частей речи. Цель работы – показать теоретические предпосылки такой концептуализации, а также возможные пути оформления в языке семантики внутренних состояний. Методологической основой исследования служит описательно-аналитический метод с привлечением данных статистического анализа и лексикографического описания. Исследование выполнено на материале текстов классической и современной русскоязычной художественной, в том числе сетевой, литературы, данных Национального корпуса русского языка, толковых словарей, а также примеров словоупотребления, отмеченных в живой речи носителей языка, в материалах сети Интернет. Проблема концептуализации внутренних состояний представлена как своеобразное движение по спирали: язык использует лексические и грамматические средства для формирования устойчивого класса состояний, при этом механизмы текстопорождения, в том числе «грамматика говорящего», концептуализируют такие единицы как синкретичные. Это касается как экспериенциальных состояний в рамках канонической категории состояния и за ее пределами, так и оценочных предикативов с семантикой перфектной оценки. Таким образом, внутренние состояния описываются как феномен, конструируемый языком по определенным моделям и оформляемый в качестве лексико-грамматического класса (категория состояния / предикатив). В сферу состояний как феномена языка (а не психической реальности) вовлекаются (прежде всего за счет влияния грамматических трансформационных механизмов) различные периферийные типы значений, в первую очередь оценочные имена и предикативы, имеющие перцептивный и/или оценочный компонент семантики. Полученные данные позволяют уточнить концептуальные и грамматические характеристики класса предикативов русского языка, а также семантических классов «состояния» и «свойства / качества». Результаты исследования вносят определенный вклад в семантическую типологию предикатов и могут быть использованы при преподавании курса современного русского литературного языка, а также при проведении спецкурсов по функциональной грамматике и когнитивному синтаксису.

К л ю ч е в ы е с л о в а: предикативы; категория состояния; оценочное имя; внутренние состояния; внешние состояния; экспериенциальность; концептуализация; русский язык; лексикология русского языка; лексические единицы; лексемы; языковое моделирование

Д л я ц и т и р о в а н и я: Топорков, П. Е. Предикатив и проблемы языкового моделирования внутренних состояний человека / П. Е. Топорков // Филологический класс. – 2026. – Т. 31, № 1. – С. 50–58. – DOI: 10.26170/2071-2405-2026-31-1-50-58.

THE PREDICATIVE AND PROBLEMS OF LINGUISTIC MODELING OF INTERNAL STATES OF A PERSON

Petr E. Toporkov

Kaluga State University named after K. E. Tsiolkovski (Kaluga, Russian Federation)

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0006-8848-9948>

A b s t r a c t. The article analyzes the problem of linguistic description of internal states in the context of lexical and grammatical conceptualization. The study focuses on the material of predicatives which are interpreted by the author as a hybrid semantic-functional class of words including the category of state, as well as nominal predicative lexemes and some meanings of the words of various parts of speech. The aim of the work is to show the theoretical prerequisites of such conceptualization and the possible ways of expressing the semantics of internal states in the language. The descriptive-analytical method, accompanied by elements of statistical analysis and lexicographic description, is the main research method in the article. The study is based on the texts of classical and modern Russian-language fiction, including online literature, data from the National Corpus of the Russian Language, explanatory dictionaries, as well as examples of word usage registered in the live speech of native speakers and Internet materials. The problem of internal states conceptualizing is presented as a kind of spiral movement: language uses lexical and grammatical means to form a stable class of states, and the text generation mechanisms, including the “speaker’s grammar,” conceptualize such units as syncretic. This applies to both experiential states within the framework of the canonical category of state and beyond and evaluative predicatives with the semantics of perfect evaluation. Thus, internal states are described as a phenomenon constructed by language according to certain models and formalized as a lexico-grammatical class (category of state / predicative). The sphere of states as a phenomenon of language (and not mental reality) involves (primarily due to the influence of grammatical transformation mechanisms) various peripheral types of meanings, primarily evaluative names and predicatives with a perceptual and/or evaluative semantic component. The data obtained make it possible to clarify the conceptual and grammatical characteristics of a class of predicatives of the Russian language, as well as the semantic classes of “states” and “properties / qualities”. The results of the study

make a definite contribution to the semantic typology of predicates and can be used in teaching courses of modern Russian literary language, as well as in conducting special courses in functional grammar and cognitive syntax.

Keywords: predicatives; category of state; evaluative name; internal states; external states; experientialism; conceptualization; Russian language; Russian lexicology; lexical units; lexemes; linguistic modeling

For citation: Toporkov, P. E. (2026). The Predicative and Problems of Linguistic Modeling of Internal States of a Person. In *Philological Class*. Vol. 31. No. 1, pp. 50–58. DOI: 10.26170/2071-2405-2026-31-1-50-58.

В описании языковых состояний выделяются несколько основных подходов. В частности, современные исследования по теме состояний ссылаются на работы G. N. Carlson¹ (представление о предикатах индивидного и стадийного уровней), [Davidson 1969] и [Kim 1996] (дальнейшая дискуссия в работах [Maierborn 2005; Engelberg 2005] и др.), см. также работу А. В. Циммерлинга о критерии наблюдаемости / ненаблюдаемости в описании состояний [2023]. В свою очередь, «дэвидсоновские» и «кимовские» состояния противопоставляются, в частности, по критериям нахождения в ментальном / наблюдаемом пространстве, локализованности / нелокализованности и др. Детальная схема описания языковых состояний как локализованного и темпорализованного опыта была представлена в работе [Семантические типы предикатов 1982], а также в других работах Т. В. Булыгиной [1997] и О. Н. Селиверстовой [2004].

В фокусе исследований Г. И. Кустовой [2002; 2013], посвященных предикатам состояния, оказывается проблема экспериенциальности, т. е. изучение механизмов отражения в семантике и грамматике предикатов опыта взаимодействия субъекта и так называемой внеязыковой реальности в модели причинно-следственных связей.

Однако за рамками остается проблема концептуализации состояний, т. е. то, каким образом состояние выделяется как обособленный семантический комплекс. Наши данные анализа исторической лексики обнаруживают тенденцию к концептуализации состояний как специфический диахронный и социолингвистический процесс: так называемые «внутренние», т. е. психические, состояния конструируются в той же мере, как и «внешние» (состояния природной, социальной среды и/или их количественные характеристики). В качестве языкового материала исследования представлены предикативы – гибридный функциональный класс слов, включающий морфологизованные и неморфологизованные лексемы и отдельные значения, подробнее см. наши работы [2013, 2023].

1. *Моделирование семантики внутренних состояний*. Чужой (психический) опыт конструируется по модели своего опыта, ср. характерный комментарий Б. Валденфельса по феноменологической проблематике концептуализации психического опыта: «Гуссерль, в конце концов, все же ослабляет парадокс, предпринимая неутомимые попытки доказать то, что “Чужой”, вопреки всей “Чужести”, конституируется на почве собственного настояще-

го и из средств “Собственного”» [Вальденфельс 1994], а также комментарии А. Ф. Грязнова: «...на деле мы не можем описывать ощущения, не прибегая к словарю внешних вещей. Сами же ощущения нельзя считать ни истинными, ни ошибочными» [Грязнов 2009: 35].

Характерно и следующее замечание по проблематике позднего Витгенштейна: «Почти единодушно считается, что аргумент против “индивидуального языка” лишает ощущения статуса индивидуальных ментальных сущностей, которые-де не обуславливаются никакими физическими событиями [...]. Основываясь на этом, отдельные философы склоняются к точке зрения, будто единственным критерием правильной предикации субъектам тех или иных психических состояний служат формы внешнего, доступного наблюдению поведения» [Грязнов 2009: 41]. Таким образом, предикаты внутренних состояний не описываются языком напрямую, но предпочитают быть выведенными из косвенных атрибутов, свойств «внешнего» мира.

Историческая логика формирования класса предикативов, показанная нами в серии статей [Топорков 2021а; 2021б], определяется как движение «по спирали» – от модальных (прежде всего деонтологических) характеристик, формирующих ядро исторически присутствующего в русском языке класса состояний «человека в социуме», к сфере «непосредственных» внутренних состояний и далее – к интеллектуальным оценкам (социологичным и культурно-специфичным по сути), формирующимся на основе лексем с семантикой внутреннего состояния (*смешно*, *страшно* и др.). Таким образом, язык не может удерживать класс предикативов состояния в рамках семантики психологических переживаний – это демонстрируют и историческая динамика, и динамика социолингвистическая: предикативы говоров – это прежде всего характеристики социальной и природной сред.

Ср. характерный перенос напрямую из деонтологической сферы во внешнее окружение: «*Страмно* 2. Неприятно, противно. Обл., Муллов, 1856. Взойти страмно (в комнату, в которой беспорядок). Боров. Калуж., 1898. Ряз. Свердл., Кемер. Все плечи ободрала, страмно глядеть. Том. Сиб. Безл. сказ. Другой [больной оспой], знаешь, как искovyряет себя – страмно смотреть. Ряз., 1960.

Страмно 3. Безл. сказ. Грязно, гадко; небрано где-л. Дома страмно... заблевано все. Пинеж. Арх., 1959. Страмно у его в избе. Велиж. Тюмен» [СРНГ, вып. 41: 282].

Язык не имеет прямого доступа к «чистой» внутренней реальности другого человека. Моделирование психических состояний происходит по принципу аналогии и проекции, что подтверждается феноменологической традицией и данными

¹ Carlson G. N. Reference to Kinds in English: Ph.D. thesis. Amherst: University of Massachusetts, 1977.

аналитической философии (Л. Витгенштейн и его критика возможности «индивидуального языка»). Этот процесс согласуется с постулатами модели *психического состояния человека* (Theory of Mind), в частности теорией симуляции, описывающей способность приписывать ментальные состояния другим, см. работы [Goldman 2006; 2012]), а также работами А. Вежбицкой о семантических примитивах [1972; 2021] – универсальных языковых сущностях, языковое выражение которых всегда опосредовано культурными и грамматическими нормами. Внутреннее состояние другого описывается через свое переживание, но само это «свое» переживание вербализуется через отсылку к внешним, наблюдаемым атрибутам или поведенческим реакциям. Сфера психических переживаний, вопреки своей интуитивной «первичности», осмысливается языком опосредованно и является своеобразным продуктом концептуализации, охватывающей как семантические, так и специфические грамматические трансформации.

2. От «внешних» к «внутренним» состояниям. Социальный опыт проявляется – лингвистически – в языке так называемых «внешних» состояний. Этот язык состояний оформлен в двух нечетко противопоставляемых друг другу типах:

А. Описание социальных, природных и т. п. состояний.

Б. Описание социально-когнитивных и природно-когнитивных состояний, т. е. описание природных или социальных состояний с позиций и по критериям человеческого опыта: по количественным и качественным критериям.

Нечеткость противопоставления данных непосредственного опыта взаимодействия субъекта и внешней среды отражается в рядах предикативов, объединяемых в одну лексико-семантическую группу, но представляющих собой на уровне лексической семантики результат различной концептуализации опыта: *солнечно* (непосредственное переживание, концептуализация на основе перцептивных данных) – *пасмурно* (результат сопоставления нескольких вариантов опыта и оценочная характеристика, ср. *прекрасный пасмурный день* / коннотативно обогащенный контекст: *Прекрасный пасмурный Петербург* [https://vk.com/wall-33360396_46735]) – *дождливо* (состояние как количественная оценка приобретенного опыта) и далее к языку состояний-оценок типа *У них гадко, противно, хорошо* и т. д.

Социальный опыт представляет собой с языковой точки зрения переходную группу (от переживания опыта к наблюдению внешних атрибутов конструируемых состояний): это опыт своего как части чужого.

В этом отношении наиболее характерны конструкции со стативами.

Ср.: *У них накурено* – внешняя для наблюдателя (и одновременно экспериенцера) характеристика описывается через перцептивный компонент.

Г. А. Золотова ввела противопоставление «статив / результатив» на основе критерия наличия / отсутствия перцептивного компонента в семантике предиката (Вхожу и вижу: вещи *разбросаны...* / Ре-

жиссер попросил изменить декорацию. Быстро были *открыты* окна...) [Золотова и др. 1998: 334].

А. Н. Соболев [1998] при анализе предикативных конструкций с причастиями в русских народных говорах приводил примеры типа *У него уехано было, Сижено было у меня* (в качестве разновидности так называемого субъектного результата), а также примеры типа *У меня надели валенки, У пастушки грибы посоливали, Мусор-то здесь у забора у ей верно высыпан, У батьки у твою сажено березку*, которые автор рассматривает как формы объектного результата. В обоих случаях частотны конструкции с субъектным детерминантом, который реализует семантику, варьирующуюся в пределах от локативности до посессивности (ср. распространенные конструкции с детерминантом, указывающим на обладателя / одного из субъектов отношений типа Дом-то *у меня улетный*, уж поди годков сто шестьдесят стоит. (2005) = *Мой* дом; Мужик *у ей* последняя дрянь, нигде не робит, тряхомудье одно = *Её* мужик, муж...; Бабушка *у меня улогая* была, ноги больные, убогая еще зовут = *Моя* бабушка...?). Некоторые посессивные конструкции (в том числе с отрицанием) представляют собой фразеологизованные речевые модели: *течи, тону нет*: «Тон Музыкальный слух. Я не пою, у меня *строки нету, тону*, значит, течь сбивается. Пинеж. Арх., 1973» [СРНГ, вып. 44: 227]; «Течь, ж. *Течи нет*. Не иметь голоса, способности к пению. Я бы хотела петь, да у меня *течи нет*, правильно петь не могу. Пинеж. Арх., 1959. *Течи*, голосу *нету* у меня, а словами расскажу песню-ту. Пинеж. Арх.» [СРНГ, вып. 44: 111].

Что же касается стативов, то ряд подобных единиц словообразовательно сближается с морфологической категорией состояния: «У меня еще не *управленось*. Большесельск. Яросл., 1991; У меня в избе не больно *управно*. Красновишер. Перм., 2002» [СРНГ, вып. 47: 286].

Отметим, что такая семантико-грамматическая модификация является синхронным языковым процессом: стативы в безличном употреблении нередко снабжаются в Национальном корпусе русского языка (далее – НКРЯ) пометой *предикатив*, они употребительны в синонимических рядах со словами категории состояния, в том числе и неканоническими: *Накурено* было крепко, приоткрытая дверь не спасала. [Виктор Ремизов. Воля вольная // «Новый мир», 2013] – помета *предик*.

В «Винстон Плэйс» было *тесно, накурено, неряшливо* [Вадим Месяц. Лечение электричеством // «Урал», 2002].

Тип предикативной конструкции и значение самого предикатива оказывают влияние на семантику детерминанта. Предикаты нравственной оценки модифицируют локально-ограничительную семантику детерминанта: *У нас* не *принято* было отмечать дни рождения [Обычаи, которые объединяют // «Жизнь национальностей», 2000.09.29] – ограничительная семантика (так как «вообще» это *принято*).

Но *у нас* не *принято* обращаться с этим к врачу [коллективный. Россия и мир. Письма // «Огонек», 2015] – ограничительно-локальная.

У нас не принято публично порочить замужнюю женщину! [Галина Шергова. ...Об известных всем (2002–2004)] (локально-экспрессивная, это не принято в рамках общечеловеческих представлений о нравственности, детерминант утрачивает локальную отнесенность).

Но кушать людей все равно нехорошо. **У нас** не принято. – Я не хочу даже такое знать! – вспыхнул Молотов [Нодар Джин. Учитель (1980–1998)] (экспрессивная семантика, локально-ограничительный компонент минимален).

Далее выделим три стадии конструирования состояний – от внешних к внутренним:

А. Локализация как механизм языковой концептуализации состояний.

Наречия развивают предикативную семантику – и количественно это вполне характерный для русского языка процесс. Наиболее частотно включение наречий в конструкции с местоимением *всё*, которое, на наш взгляд, можно обозначить как псевдолокализатор: такие конструкции оформляют субъект высказывания как некую ограниченную в пространстве и времени социальную и/или природную реальность.

Ср. примеры типа *Всё по-товарищески, по-новому...* vs Псевдодвусоставные конструкции по модели *Всё + предикатив на -о* в описании В. В. Бабайцевой [2005]: Старый дом на горе, сад, озеро, рощи сосновые – **всё это** осенью и зимой немало печально, но зато весной и летом должно казаться земным раем (А. Пушкин, Роман в письмах).

Печально множество объектов – дом, сад, озеро или этот предикат описывает нечто иное, однозначно не локализуемое переживание?

– Я не был в России три года, – словно одолевая тяжелую помеху, отозвался Дибич. – Для меня **всё ново** (К. Федин, Необыкновенное лето).

Подобные состояния с косвенным контекстуальным указанием на локацию вряд ли могут быть представлены в структуре конструкций с детерминантами-локализаторами (Для меня **всё ново – где? В России**).

Б. Индивидуация состояний, т. е. конструирование психических состояний через внешние атрибуты.

В современном языке тенденция развития стальной семантики у оценочных предикативов охватывает как субстандартные формы языка, так и авторские словоупотребления.

См. пародийные примеры А. С. Пушкина: *Мне кюхельбекерно, Я огончарован*; также авторские примеры типа *мне дождливо, пасмурно* и др. внешние состояния, интерпретируемые как интеллектуальные оценки и развивающие семантику состояния в сочетаниях с субъектными детерминантами: *Мне дождливо, мне очень дождливо. Мой Бог меня оставил, и я придумала своего* [<https://stihi.ru/2015/11/25/10159>].

Милая, мне снежно, снежно... Белый рой небес сошел в меня [<https://vovamorozov.livejournal.com/29614.html>].

Как отмечает М. С. Милованова, комментируя примеры типа *мне пасмурно, мне солнечно*, «Следствием “атомизации” общества является присталь-

ный интерес человека к себе. Современному человеку свойственна сосредоточенность на себе как объекте мысли, пристальное наблюдение за собой и своими ощущениями, стремление фиксировать и детализировать собственное состояние [...] Развитие форм для выражения семантики состояния объясняется спецификой современного восприятия действительности. Идет активный поиск средств и способов обозначения нового состояния или актуализации всем известного, но в не известной – сугубо индивидуальной – форме» [Милованова 2019: 65]. Таким образом, конструкции с локально-ограничительными детерминантами становятся дативно-предикативными конструкциями или остаются в своеобразной зоне синкретизма: *мне солнечно = солнечно с моей точки зрения / мои внутренние переживания могут быть описаны по аналогии с впечатлением от солнечной погоды.*

В. Интернализация оценочных предикатов. Оценочные значения описывают прагматически значимый опыт. При этом само сигнификативное «наполнение» этого опыта оказывается вытесненным во внешнее синтаксическое окружение, которое выступает в качестве аргументативных и/или мотивационных структур языкового описания опыта.

Однако при всей явной прагматичности оценочной предикативной лексики в качестве предикатов подобные лексемы составляют значительный пласт тематической группы «состояние» как в рамках канонической категории состояния, так и в периферийных неграмматизированных вариантах, в том числе за пределами литературного языка (*Мне хорошо, плохо / зашибись / клёво / кринжово...*).

Психические состояния исторически и логически производны от описания внешней среды и социальных норм. Язык концептуализирует «внутреннее» через метафорический перенос параметров «внешнего» мира. Это подтверждает тезис Дж. Лакоффа и М. Джонсона [2003] о концептуальной метафоре (ориентационные и онтологические метафоры: «СОСТОЯНИЕ – ЭТО ВМЕСТИЛИЩЕ / ЛОКАЦИЯ»). Конструкции с детерминантом *у меня / у нас* (посессивность) и *всё* (псевдодвусоставная тотальность) работают как грамматические механизмы, превращающие внешнюю локализацию (**У нас** *накурено*) во внутреннее ограничение (**У нас** *не принято*). Грамматикализация посессивных и локативных конструкций служит мостом между описанием среды и фиксацией внутреннего опыта. Социальное (*не принято*) и природное (*дождливо*) становятся материалом для описания личного психологического опыта (*Мне дождливо*). Таким образом, в описании внутреннего психического опыта выделяются три стадии языковой концептуализации: локализация состояний, интернализация качественных характеристик и интернализация интеллектуальных оценок.

3. *Внутреннее состояние как наблюдаемый факт.* Немотивированные внутренние состояния – это семантическая проблема и далее – проблема того, каким образом в человеческом сознании соположены осмысленные (семантизированные) пережива-

ния и аффекты, имеющие скорее физиологическую природу, ср.: Мне внезапно стало *жутко* / *хорошо* (физиологические изменения в организме, воздействие медикаментов и т. п.).

Немотивированные состояния как факт психологии и/или физиологии и некаузируемые состояния как лингвистический факт соотносятся с точки зрения возможности / невозможности экспликации причины и аргумента.

Ср.: Почему тебе *комфортно*? – Почему тебе *некомфортно*?

В целом норма диктует модель причинно-следственного описания ненормативных переживаний, но не переживаний, воспринимающихся как «естественные» дополнения к непосредственному опыту реальности.

Немотивированные состояния парадоксальным образом оказываются ближе в реальных синтаксических контекстах к интеллектуальным оценкам в конструкциях с сентенциальными актантами (*Жутко* / *хорошо*, что / *потому что*...).

Термин «внутреннее» (психическое, психофизиологическое) состояние предполагает:

а) мотивацию, см. теорию экспериенциальных состояний Г. И. Кустовой [2002; 2013]. Внутренние состояния исходят из внешнего мира, каузируются чем-то в наблюдаемое другим субъектом реальности;

б) возможность репрезентации этого состояния как набора внешних, т. е. наблюдаемых другим субъектом, атрибутов.

Ср.: *Тебе / ему страшно, больно, не по себе*...

Идет ли в этом случае речь о семантике состояния? Безусловно, перед нами не оценочные предикаты. Скорее, перед нами динамический процесс развития оценочности, т. е. различение, расщепление факта описания переживания на двухчастную субъектно-объектную структуру как промежуточный этап перехода от так называемых психических состояний к интеллектуальным оценкам положений дел, в особенности этот этап развития форм оценочности показывает микродиахронный сдвиг в русском языке 2-й половины XIX века. Но такие предикаты не могут быть описаны в полной мере как статальные: они описывают атрибуты состояний, а не сами эти состояния.

Подобные употребления занимают промежуточную позицию между так называемыми чистыми состояниями (напр., я *отдаю себе отчет*, что мне *страшно, хорошо, не по себе* и т. п.) и интеллектуальными оценками, в том числе модально-деонтологического характера, ср.: Мне *не смешно*, когда фигляр презренный // Пародией бесчестит Алигьер (Пушкин).

В НКРЯ примеры типа *Тебе страшно* встречаются преимущественно либо в вопросительных конструкциях, либо в обобщенно-личных: Только ты ничему не удивляйся, делай то, что тебе говорят, и знай: как бы тебе *страшно* ни было, все это когда-нибудь кончится. [Ирина Краева. Тим и Дан, или Тайна «Разбитой коленки»: сказочная повесть (2007)]; И тут я, человек, по всей видимости, конченный, встречаю тебя! – Пожал плечами. – Мне

нечего тебе предложить, я не имею права ни на что рассчитывать... – Тебе *страшно*, да? – Да! А теперь к этому страху прибавилась боязнь потерять тебя. Это не красивые слова, с тобой связаны все мои надежды! [Николай Дежнев. Принцип неопределенности (2009)]; Думаю, что ощущения будут даже покруче, чем от «тарзанки»: тебе *страшно*, но испытываешь чувство легкости и полета [Сергей Лесков. Космические туристы должны быть святыми (2002) // «Известия», 01.02.2002].

См. также примеры интерпретативных (задающих модель каузации или аргумент) контекстов: Ты ускользаешь от меня. Тебе *страшно* и *стыдно* за меня [С. А. Минюрова, Е. А. Тетерлева. Диалогический подход к анализу смыслового переживания материнства (2003) // Вопросы психологии, 22.07.2003]; Конечно, ты боишься. Тебе *страшно*, что однажды ты доиграешься. А мне бояться нечего [Олег Дивов. Молодые и сильные выживут (1998)]; Ср. также: *Ему грустно* / Он расплакался *от счастья, от чувств, от бессилия*, реже: *от боли*; крайне редко: *от лука; от пылинки*.

Предикаты внутреннего состояния дейктичны: они включают в себя обязательное указание на:

а) субъект состояния (я / мы), причем наиболее частотное указание на 1 лицо единственного числа, так как экстраполирование внутреннего состояния сопряжено с модификацией референтных свойств местоимения: Ничего из ряда вон не случилось, пока *нам* больно – это еще жизнь [Владимир Маканин. Отдушина (1977)]. Мы = всё человечество / персонажи книги / говорящий и его ближний круг;

б) объект интеллектуальной оценки (*Мне смешно, что / когда / если*...);

в) субъект приписываемого состояния, интерпретируемого через внешние атрибуты каузативности / аргументации.

Таким образом, сама мотивация состояний носит атрибутивный, описательный характер. Язык конструирует мир переживаний как трехчастную структуру: *причина – психический феномен – внешний атрибут*, при том что такая установка самой языковой структуры на каузальные отношения в сфере состояний не вполне отражает реальный психический опыт человека.

«Внутреннее» состояние концептуализируется языком как объект наблюдения и атрибуции. Язык требует мотивации или внешних признаков для описания состояния, что расщепляет целостный психический акт на схему «стимул → состояние → признак». Это коррелирует с дихотомией «кимовских состояний» (не наблюдаемых напрямую, ментальных) и «дэвидсоновских состояний» (связанных с событием и наблюдаемых). В русском языке предикативы типа *тебе страшно* тяготеют к «кимовским», но их употребление в речи (особенно в вопросах и обобщенно-личных конструкциях) требует верификации через внешний контекст, что сближает их с «дэвидсоновской» событийностью. Сама синтаксическая структура (например, с сентенциальным актантом: *жутко, что*...) превращает переживание в объект интеллектуальной оценки,

где причина (*что...*) важнее самого чувства.

4. *Концептуализация состояний на различных уровнях языковой системы.* Концептуализация состояний связана с различными уровнями функционирования языковой системы:

1) словообразовательные механизмы (ср. *обломать* (кого / что / чем...) → *облом...* нульактантный предикат), в том числе семантическое словообразование (*жарко* (нар.) ↔ *жарко* (предик.): *жарко* натоплено – на улице *жарко*). В качестве первичных значений в подобных случаях лексикографическая практика выделяет наречия – в той логике, что развитие предикативного значения предполагает приращение в актантной структуре производящей лексемы. Однако, на наш взгляд, семантика предикатива «ощущается» как более «первичная», не сопряженная с видимыми метонимическими и метафорическими смещениями в семантической структуре. Признак, описывающий положение дел в физической среде (*холодно, жарко*), с трудом может быть включен в характеристику действия: он скорее характеризует смежные явления (причину, цель, результат и др.) или осмысливается как метафорическая характеристика ситуации;

2) семантические механизмы: в этом случае речь идет только о семантике, грамматических изменений не наблюдается: статальная семантика оценочных предикативов (ср.: Я был *дурак*, когда...) – оценки-качества могут только переживаться, относиться к единичным событиям, ср. *Дурак по жизни* ≠ *Дурак*, когда встает с утра, завтракает...

См. пример Ф. М. Достоевского, приводимый Н. Д. Арутюновой: Али сказано – дурак, так уж кроме дурака у него тому человеку и звания нет. А я, может, по вторникам да по средам только дурак, а в четверг и умнее его [цит. по: Арутюнова 1999];

3) синтаксическая модификация: детерминанты, псевдодвусоставные конструкции, ср. *У нас всё по-спартански, с деньгами* / голяк и т. д.;

4) диахронное обособление предикативных форм / значений (предложно-падежные формы и «готовые» модели с П.п. состояния: *в цейтноте, в зашкваре, в хайте, в ресурсе* и т. д.);

5) введение в структуру высказывания специфических детерминантов – тавтологические (или псевдотавтологические) маркеры внутреннего состояния: И первый шаг на этом пути – сделать так, чтобы человеку было *психологически* спокойно [Светлана Сухова. Мы можем просчитать вас полностью (2003) // Итоги, 13.01.2003] (= чтобы человеку было спокойно).

Ср. также *психологически* как контекстуальный антоним к *физически*:

Психологически мне, конечно, было легче, чем Гарднеру [Юрий Патрикеев: «Проиграл, потому что боролся с Гарднером слишком долго» (2001) // Известия, 13.12.2001].

Метонимия (внешний параметр среды → каузализирующий внутреннее состояние) также может сопровождаться квазитавтологией: Здесь еще раз следует отметить, что атмосфера во время тестирования должна быть спокойной, исключительно доброжелательной, *психологически* комфортной

[И. П. Гордейчук. Диагностика музыкальных способностей (2021)].

Появление тавтологических или квазитавтологических маркеров (*психологически, физически*) при предикативах состояния (*комфортно, спокойно*) – это свидетельство рефлексивного характера языка. Язык пытается уточнить природу состояния, отделив ментальную сферу от физической, что указывает на концептуальную значимость этого противопоставления. Этот феномен можно интерпретировать в рамках теории метаязыковой функции [Якобсон 1975] и как проявление «контроля» со стороны говорящего за точностью референции к своему внутреннему миру в контексте теории блендинга [Fauconnier, Turner 1996; Ведерникова 2015]: концептуальные пространства «психика» и «физический комфорт» накладываются друг на друга, создавая гибридный смысл. Детерминанты служат не столько локализаторами, сколько операторами модальности, уточняющими онтологический статус предцицируемого состояния.

Таким образом, концептуализация состояний – это многоуровневый процесс, затрагивающий все ярусы языка: от словообразования до синтаксиса и диахронии. Это свидетельствует о системном характере категории состояния / предикатива. С точки зрения грамматикализации здесь наблюдается движение от конкретной лексики (существительное *облом*) через деривацию к предикативу (*облом* в функции сказуемого) и далее к синтаксическим моделям (*в ресурсе, в цейтноте*). Это в значительной мере традиционный путь формирования новых грамматических и лексико-грамматических классов.

5. *Атрибуты концептуализации внутренних состояний.* Выделим модели концептуализации внутренних состояний через внешние атрибуты.

Для языкового выражения внутренних состояний могут быть использованы:

а) непосредственное выражение (прямые значения) – их немного: *мне страшно, мне грустно...*; модель Subj + в/на + П.п. (кто-л. в ярости, в печали...);

б) оценочные формы (*мне плохо, хорошо...*), т. е. шифтерные единицы с прагматическими «наполнителями»;

в) переносные значения слов, опирающиеся на стереотипизированные психологические коннотации фрагментов наблюдаемой реальности (*свинцовые тучи* ~ плохо; *солнечный человек* ~ хорошо);

г) синтаксические структуры (развернутые метафоры и др. сложные синтаксические единства), имеющие несоизмеримо больший потенциал преодоления стереотипизированных психологических трактовок наблюдаемой реальности.

Выражение эмоций через перенос ставит вопрос следующего характера: какие объекты и атрибуты являются носителями подобий внутренних состояний? Выделим следующие варианты:

– природные характеристики. В силу антропоцентричности они занимают промежуточное положение между интеллектуально-оценочной и собственно характеризующей метафорической формой описания внутренних состояний (см. вы-

ше примеры типа *пасмурно, солнечно...*; ср. также примеры народных говоров типа *комаристо, оводно* с количественной семей 'много, больше нормы');

– сенсорные параметры, например цветочные, ср. псевдометафорические формы типа *мне фиолетово*; предикативные сочетания типа *белый, красный + от...*, которые не описывают внутреннее состояние напрямую, а скорее реализуют описательную модель каузации состояния. См. также: И я, *белый от боли*, тоже в глаза смотрю ему: что тебе, что? [С. В. Соловьев. Индийские мотивы // Волга, 2010]; Что «да»? – кричал Колупай, весь *белый от нехороших предчувствий* [Борис Минаев. Детство Левы (2001)]; Весь *белый от упрямства и злости* Даниил вытаскивал рычаги на себя [Алексей Иванов. Охота на «Большую Медведицу» (1990–1991)].

Сами цветообозначения так же, как и в случае со сленговыми формами типа *мне фиолетово*, могут не концептуализировать состояние, оставаясь сигнификативно обедненными, ср. *белый / желтый / черный и т. д. от злости...*; также сенсорные характеристики типа *сладко, горько, жестко* и др., которые достаточно редко переосмысливаются как внутренние (неэкспериментальные) характеристики.

Например, НКРЯ по предикативу *сладко* дает абсолютное большинство примеров в конструкциях с инфинитивом (*сладко говорить, сладко жить*).

См. характерный пример попытки описания экспериментального состояния как несвязанного с конкретными данными человеческого опыта: И *сладко* вот мне, и *сладко*, и сам я не знаю, что мне *сладко* [З. Н. Гиппиус. Мисс Май (1896)]; также возможна концептуализация подобных состояний как интеллектуальных оценок: Когда я один в арьергарде шел, потому что вы все со страху обгадились, думаете мне *сладко* было? [Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Град обреченный (1972)] (*сладко = хорошо*, по этой же модели *горько = плохо*); также в современном авторском употреблении: Как же *солнечно* пока, // Идет время быстро. // В небо вышли облака, // Мне уже тут *кисло* [<https://stihi.ru/2017/08/02/5321>];

– как правило, не концептуализируются как внутренние состояния данные аналитического осмысления опыта (ср. *Мне *коротко, далеко, узко* и др. – как правило, только в рамках интерпретации непосредственного опыта): После такого приветствия мое культурное пальто не могло не покраснеть, калоши потемнели, шляпа съежилась, и всё

это вместе вдруг стало мне *узко, тесно и тяжело...* [Максим Горький. Два босяка (1894)].

Стативы также, как правило, не служат основой для концептуализации внутренних состояний (**Мне накурено* – потенциально может быть истолковано только как конструкция с ограничительным детерминантом и семантикой внешнего состояния).

Основная масса лексики для описания «внутреннего» является вторичной, заимствованной из сферы физических параметров (*фиолетово, кисло, сладко, тяжело*). Чистых предикатов внутреннего состояния в языке крайне мало. Это является прямым следствием телесного характера познания: человек понимает абстрактные эмоции через конкретный сенсомоторный опыт (цвет, вкус, вес, температура). Работы А. Дамасио, опирающиеся на общеметодологические основания Р. Декарта (теория «соматических маркеров», в частности [Damasio 1994]), подтверждают нейробиологическую основу этого механизма. Язык здесь выступает хранителем и транслятором телесного опыта. Синкретизм оценочных и статальных значений в предикативах является не исключением, а правилом. Предикативы функционируют как особого рода шифтеры, которые в зависимости от контекста (наличие / отсутствие дативного субъекта, детерминанта) могут обозначать либо свойство среды (*солнечно*), либо состояние субъекта (*мне солнечно*), либо его оценку (*это кисло*).

Таким образом, в языке одновременно поддерживаются стратегии формирования способов описания внутренних состояний через внешние атрибуты, в том числе в контексте причинно-следственных связей (внешние аффекты, каузирующие состояния), а также в контексте интерпретации оценок как явлений психической реальности оценивающего субъекта. С другой стороны, сфера чистых состояний оказывается далеко не всегда конечной целью такой стратегии (как на семантическом, так и на словообразовательном уровне). Следствием этого является переход «чистых» состояний в иные семантические классы: социальные / природные состояния, в том числе осложненные перцептивными и аналитическими (количественными, локальными, временными) компонентами значения, интеллектуальные оценки; формируются синкретичные семантические единицы гибридного грамматического статуса.

Литература

- Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – 2-е издание, исправленное. – Москва : Языки русской культуры, 1999. – 896 с. – EDN YLAWAR.
- Бабайцева, В. В. Предложения с местоимением всё и сказуемым – словом на -о / В. В. Бабайцева // Избранное. 1955–2005 : сборник научных и научно-методических статей / под ред. К. Э. Штайн. – Москва ; Ставрополь : Издательство СГУ, 2005.
- Бульгина, Т. В. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) / Т. В. Бульгина, А. Д. Шмелев. – Москва : Языки русской культуры, 1997. – 576 с. – EDN RBBSFH.
- Вальденфельс, Б. Своя культура и чужая культура. Парадокс науки о «Чужом» / Б. Вальденфельс // Логос. – 1994. – № 6. – С. 77–94.
- Ведерникова, Ю. В. Тезаурусный подход к моделированию английской когнитивно-лингвистической терминологии на примере терминополья термина *blending theory* (теория блендинга) / Ю. В. Ведерникова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 12-4 (54). – С. 47–50. – EDN VCPMCR.
- Грязнов, А. Ф. Язык и деятельность. Критический анализ витгенштейнианства / А. Ф. Грязнов. – Москва, 2009. – 152 с.

- Золотова, Г. А. Коммуникативная грамматика русского языка : под общей ред. Г. А. Золотовой / Г. А. Золотова, Н. К. Онипенко, М. Ю. Сидорова. – Москва, 1998. – 528 с. – EDN PWOOKJ.
- Кустова, Г. И. О типах производных значений слов с экспериенциальной семантикой / Г. И. Кустова // Вопросы языкознания. – 2002. – № 2. – С. 16–34. – EDN QBPMSH.
- Кустова, Г. И. Системные связи и системные значения экспериенциальных прилагательных: предметные и пространственные контексты / Г. И. Кустова // Русский язык в научном освещении. – 2013. – № 1 (25). – С. 41–69. – EDN RIWHEL.
- Милованова, М. С. Современное русское аксиологическое сознание и актуальные тенденции в языке / М. С. Милованова // Педагогическое образование и наука. – 2019. – № 1. – С. 63–66. – EDN YIRVXX.
- Селиверстова, О. Н. Труды по семантике / О. Н. Селиверстова. – Москва : Языки славянских культур, 2004. – 960 с. – EDN RBVTON.
- Семантические типы предикатов. – Москва : Наука, 1982. – 365 с.
- Словарь русских народных говоров (СРНГ). – Ленинград ; Санкт-Петербург, 1965 –... – Вып. 1–51.
- Соболев, А. Н. О предикативном употреблении причастий в русских диалектах / А. Н. Соболев // Вопросы языкознания. – 1998. – № 5. – С. 74–89. – EDN UGUAPX.
- Топорков, П. Е. Предикатив: введение в проблематику, структурные модели, диахронная динамика / П. Е. Топорков. – Калуга : Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского, 2023. – 176 с. – EDN LNBHSY.
- Топорков, П. Е. Предикатив и категория состояния в исторической лексикографии (по материалам «Словаря русского языка XI–XVII вв.») / П. Е. Топорков // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2021а. – Т. 14, № 2. – С. 403–408. – DOI: 10.30853/phil210015. – EDN PXMICV.
- Топорков, П. Е. Предикатив и категория состояния в исторической лексикографии (по материалам «Словаря русского языка XVIII века») / П. Е. Топорков // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2021б. – Т. 14, № 3. – С. 732–736. – DOI: 10.30853/phil210038. – EDN WSVHNU.
- Топорков, П. Е. Предикативы как семантико-синтаксическая группа слов в русском языке / П. Е. Топорков // Русский язык в школе. – 2013. – № 1. – С. 74–76. – EDN PWGGWX.
- Циммерлинг, А. В. Не верь глазам своим: русские предикативы и апелляция к очевидному / А. В. Циммерлинг // Проблемы лингвистической семантики и прагматики языковых единиц разных уровней : доклады Международной научной конференции, посвященной памяти доктора филологических наук, профессора Ольги Павловны Ермаковой, Калуга, 12–14 октября 2023 года. – Калуга : Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского, 2023. – С. 377–382. – EDN AXEKHY.
- Якобсон, Р. Лингвистика и поэтика / Р. Якобсон // Структурализм: «за» и «против» : сб. ст / под ред. Е. Я. Басина, М. Я. Полякова. – Москва : Прогресс, 1975. – С. 193–230.
- Damasio, A. *Descartes' Error: Emotion, Reason, and the Human Brain* / A. Damasio. – New York : G. P. Putnam's Sons, 1994. – xix, 312 p.
- Davidson, D. *The Individuation of Events* / D. Davidson // *Essays in Honor of Carl G. Hempel* / ed. by N. Rescher. – Dordrecht : Reidel, 1969. – P. 216–234.
- Engelberg, S. *Kimian states and the grammar of predicative adjectives* / S. Engelberg // *Theoretical Linguistics*. – 2005. – Vol. 31 (3). – P. 331–347.
- Fauconnier, G. *Blending as a Central Process of Grammar* / G. Fauconnier, M. Turner // *Conceptual Structure, Discourse, and Language* / ed. by A. Goldberg. – Stanford, CA : CSLI Publications, 1996. – P. 113–130.
- Goldman, A. I. *Simulating Minds: The Philosophy, Psychology, and Neuroscience of Mindreading* / A. I. Goldman. – Oxford University Press, 2006.
- Goldman, A. I. *Theory of Mind* / A. I. Goldman // *The Oxford Handbook of Philosophy of Cognitive Science* / ed. by E. Margolis, R. Samuels, S. P. Stich. – OUP USA, 2012. – P. 19–44.
- Jakobson, R. *Metalanguage as a Linguistic Problem* / R. Jakobson // *Contributions to Comparative Mythology*. Vol. VII. – Berlin ; Boston : De Gruyter Mouton, 1985. – P. 113–121.
- Kim, J. *Philosophy of Mind* / J. Kim. – Boulder, Colo : Westview Press, 1996.
- Lakoff, G. *Metaphors We Live By* / G. Lakoff, M. Johnson. – University of Chicago Press, 2003.
- Maienborn, C. *On Davidsonian and Kimian states* / C. Maienborn // *Existence: Semantics and Syntax* / ed. by I. Comorovski, K. von Heusinger. – Springer, 2005. – P. 107–130.
- Wierzbicka, A. *Semantic Primitives* / A. Wierzbicka. – Frankfurt/Main : Athenäum-Verlag, 1972. – 235 p.
- Wierzbicka, A. "Semantic Primitives", fifty years later / A. Wierzbicka // *Russian Journal of Linguistics*. – 2021. – Vol. 25, no. 2. – P. 317–342.

References

- Arutyunova, N. D. (1999). *Yazyk i mir cheloveka = Language and the world of man*. 2nd edition. Moscow: Languages of Russian Culture, 896 p. EDN YLAWAR.
- Babaitseva, V. V. (2005). *Predlozheniya s mestoimeniem vsë i skazuemym – slovom na -o = Sentences with the pronoun "vsoy" (all) and the predicate – a word ending in -o*. *Selected Works. 1955–2005*. Moscow; Stavropol: SSU Publishing House.
- Bulygina, T. V., Shmelev, A. D. (1997). *Yazykovaya kontseptualizatsiya mira (na materiale russkoy grammatiki) = Language conceptualization of the world (based on Russian grammar)*. Moscow: Languages of Russian Culture, 576 p. EDN RBBSFH.
- Damasio, A. (1994). *Descartes' Error: Emotion, Reason, and the Human Brain*. New York: G. P. Putnam's Sons, xix, 312 p.
- Davidson, D. (1969). *The Individuation of Events*. *Essays in Honor of Carl G. Hempel*, 216–234. Dordrecht: Reidel.

- Engelberg, S. (2005). Kimian states and the grammar of predicative adjectives. *Theoretical Linguistics*, 31(3), 331–347.
- Fauconnier, G., Turner, M. (1996). Blending as a Central Process of Grammar. *Conceptual Structure, Discourse, and Language*, 113–130. Stanford, CA: CSLI Publications.
- Goldman, A. I. (2006). *Simulating Minds: The Philosophy, Psychology, and Neuroscience of Mindreading*. Oxford University Press.
- Goldman, A. I. (2012). Theory of Mind. *The Oxford Handbook of Philosophy of Cognitive Science*, 19–44. OUP USA.
- Gryaznov, A. F. (2009). Yazyk i deyatel'nost'. Kriticheskiy analiz vitgenshteyniansstva = Language and activity. Critical analysis of Wittgensteinianism. Moscow, 152 p.
- Jakobson, R. (1985). Metalanguage as a Linguistic Problem. *Contributions to Comparative Mythology (vol. VII)*, 113–121. Berlin; Boston: De Gruyter Mouton.
- Kim, J. (1996). *Philosophy of Mind*. Boulder, Colo: Westview Press.
- Kustova, G. I. (2002). O tipakh proizvodnykh znacheniy slov s eksperientsial'noy semantikoy = On the types of derived meanings of words with experiential semantics. *Questions of Linguistics*, 2, 16–34. EDN QBPMSH.
- Kustova, G. I. (2013). Sistemnye svyazi i sistemnye znacheniya eksperientsial'nykh prilagatel'nykh: predmetnye i prostanstvennye konteksty = Systemic connections and systemic meanings of experiential adjectives: Subject and spatial contexts. *The Russian Language in Scientific Coverage*, 1(25), 41–69. EDN RIWHEL.
- Lakoff, G., Johnson, M. (2003). *Metaphors We Live By*. University of Chicago Press.
- Maienborn, C. (2005). On Davidsonian and Kimian states. *Existence: Semantics and Syntax*, 107–130. Springer.
- Milovanova, M. S. (2019). Sovremennoe russkoe aksiologicheskoe soznanie i aktual'nye tendentsii v yazyke = Modern Russian axiological consciousness and current trends in language. *Pedagogical Education and Science*, 1, 63–66. EDN YIRVXX.
- Seliverstova, O. N. (2004). *Trudy po semantike = Works on semantics*. Moscow: Languages of Russian Culture, 960 p. EDN RBBTOH.
- Semanticheskie tipy predikatov = Semantic types of predicates. – Moscow: Nauka Publishing House, 365 p.
- Slovar' russkikh narodnykh govorov = Dictionary of Russian folk dialects (issues 1–51). (1965 –...). Leningrad; Saint Petersburg.
- Sobolev, A. N. (1998). O predikativnom upotreblenii prichastiy v russkikh dialektakh = On the predicative use of participles in Russian dialects. *Questions of Linguistics*, 5, 74–89. EDN UGUAPX.
- Toporkov, P. E. (2013). Predikativy kak semantiko-sintaksicheskaya gruppa slov v russkom yazyke = Predicatives as a semantic and syntactic group of words in the Russian language. *Russian language in school*, 1, 74–76. EDN PWGGWX.
- Toporkov, P. E. (2021a). Predikativ i kategoriya sostoyaniya v istoricheskoy leksikografii (po materialam «Slovary russkogo yazyka XI–XVII vv.») = Predicative and category of state in historical lexicography (based on the materials of the Dictionary of the Russian Language of the 11th–17th centuries). *Philological Sciences. Questions of Theory and Practice*, 14(2), 403–408. DOI: 10.30853/phil210015. EDN PXMICV.
- Toporkov, P. E. (2021b). Predikativ i kategoriya sostoyaniya v istoricheskoy leksikografii (po materialam «Slovary russkogo yazyka XVIII veka») = Predicative and category of state in historical lexicography (based on the materials of the Dictionary of the Russian Language of the 18th century). *Philological Sciences. Questions of Theory and Practice*, 14(3), 732–736. DOI: 10.30853/phil210038. EDN WSVHNU.
- Toporkov, P. E. (2023). Predikativ: vvedenie v problematiku, strukturnye modeli, diakhronnaya dinamika = Predicative: An introduction to problems, structural models, diachronic dynamics. Kaluga: Kaluga State University named after K. E. Tsiolkovski, 176 p. EDN LNBHSY.
- Vedernikova, Yu. V. (2015). Tezaurusnyy podkhod k modelirovaniyu angliyskoy kognitivno-lingvisticheskoy terminologii na primere terminopolya termina blending theory (teoriya blendinga) = Thesaurus approach to modeling English cognitive-linguistic terminology using the term field of the term “blending theory” as an example. *Philological Sciences. Theoretical and Practical Issues*, 12-4(54), 47–50. EDN VCPMCR.
- Waldenfels, B. (1994). Svoya kul'tura i chuzhaya kul'tura. Paradoks nauki o «Chuzhom» = Our culture and our foreign culture. The Paradox of the science of “Alien”. *Logos*, 6, 77–94.
- Wierzbicka, A. (1972). *Semantic Primitives*. Frankfurt/Main: Athenäum-Verlag, 235 p.
- Wierzbicka, A. (2021). “Semantic Primitives”, fifty years later. *Russian Journal of Linguistics*, 25(2), 317–342.
- Yakobson, R. (1975). *Lingvistika i poetika = Linguistics and poetics. Structuralism: “For” and “against”*, 193–230. Moscow: Progress Publishing House.
- Zimmerling, A. V. (2023). Ne ver' glazam svoim: russkie predikativy i apellyatsiya k ochevidnomu = Don't believe your eyes: Russian predicatives and an appeal to the obvious. *Problems of linguistic semantics and pragmatics of linguistic units at different levels*, 377–382. Kaluga: Kaluga State University named after K. E. Tsiolkovski. EDN AXEKHY.
- Zolotova, G. A., Onipenko, N. K., Sidorova, M. Yu. (1998). *Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka: pod obshchey red. G. A. Zolotovoy = Communicative grammar of the Russian language: edited by G. A. Zolotova*. Moscow, 528 p. EDN PWOOKJ.

Данные об авторе

Топорков Пётр Евгеньевич – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка как иностранного, Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского, Российская Федерация, г. Калуга, ptoporkovnewnew@yandex.ru

Author's information

Toporkov Peter Evgenievich – Doctor of Philology, Professor of Department of Russian as a Foreign Language, Kaluga State University named after K. E. Tsiolkovski, Russian Federation, Kaluga